
З В Е З Д А

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

№ 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

А. П. ЧЕХОВ. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам. Сост. Вал. Фейдер. Изд. „Academia“. Лгр., 1928, стр. 10+464+6 табл. Цена в перепл. 2 р. 90 к.

Чехов мечтал о познании законов художественного творчества. „Кто владеет научным методом, тот чувствует душой, что у музыкальной пьесы и у дерева есть нечто общее, что та и другое создаются по одинаково правильным, простым законам. Отсюда вопрос: какие же это законы? Отсюда искушение—написать физиологию творчества“... Составитель вознамерился „вести читателя

в эту интересную тему и наметить один из путей к возможным обобщениям в области литературного творчества... Внутренние процессы — зарождение замыслов, их вынашивание и претворение в жизнь — остаются пока недоступными наблюдению, но внешняя обстановка и внешний процесс писательства в значительной мере „видимы глазами“. Мы можем видеть, как писатель работает за своим письменным столом, что способствует или мешает его писательству, легко или трудно дается ему рождение формы, удовлетворен ли он ею или, недовольный, снова бросает ее в кипящий тигель своего воображения, чтобы переплавить вновь. Мы можем видеть, как технически он отделяет и шлифует свою вещь в надежде довести ее до возможного совершенства и согласования с внутренним замыслом. Изучению этих внешних, „видимых“ процессов и посвящается наша работа... Намеченная тема — „творчество“.

Вот какой вексель выдает читателю Вал. Фейдер. Оплатить этот вексель, разумеется, невозможно, потому, что нельзя провести разделительную линию между „внешними и внутренними“ процессами: первые, взятые отдельно от вторых, лишены всякого смысла, а если вторые действительно „недоступны наблюдению“, то не из чего огород гордиться. Впрочем, все обошлось у Вал. Фейдера легко и просто. Рассуждая, как гоголевский повар, что „какой-нибудь вкус получится“, а может быть даже и так не рассуждая и добродушно позабыв сказанное в предисловии, составитель сострипал из цитат и вырезок „окрошку а ля Вересаев“. Жизнь писателя заключается, по преимуществу, в том, что отличает его от неписателей в его творчестве. Если мы попробуем по указаниям Вал. Фейдера заглянуть в „кипящий тигель воображения“ Чехова и узнать, как он „отделял и шлифовал“ свои произведения, то будем горько разочарованы. Как работал Чехов над такой значительной вещью, как „Мушкетеры“? Вот все, что мы находим в книге Фейдера: „Я написал повесть из мужицкой жизни, но говорят, она нецензурна, и что придется сократить ее на половину“; к этой выдержке из письма Чехова к Суворину присоединена коротенькая выдержка из статьи Розанова (о впечатлении, произведенном повестью на критику).

Вот и все. При такой скудости данных следовало бы сообщить читателю о дальнейшей судьбе, постигшей повесть в „кипящем тигле“ Чехова, который, обрабатывая отдельное издание „Мушкетеров“, внес в них весьма характерные изменения (см. об этом в ст. Н. К. Пиксанова „Новый путь литературной науки“ — „Искусство“, 1923 г., № 1, стр. 110). Как писалась „Палата № 6“? Из нескольких скудных показаний Чехова мы узнаем слишком мало (стр. 199, 209, 211, 213): повесть „скучная“, „тугая“, „сносная“, которую он не надеялся умножить свою славу, и которую „следовало бы перекрасить, а то от нее воняет больницей и покойницей“. Составитель, конечно, не виноват, что в письмах и воспоминаниях мало подобных жалоб и признаний, но обещание ввести читателя в „литературную мастерскую“ Чехова остается невыполненным. Очевидно не таким путем можно в нее попасть; для этого есть другие способы, которые не приходят в голову составителю. Приводя из писем Чехова к Суворину то, что в них сказано о „Дуэли“, В. Фейдер не забывает воспроизвести пожелание Чехова, чтобы „Дуэль“ печаталась в „Новом Времени“ не два раза в неделю, а только один, но упускает из виду ряд очень важных сообщений в тех же письмах о том, как писалась „Дуэль“ („Письма Чехова, III, 269-270, 271-272, 276, 277-278), о сомнениях, одолевавших автора, когда она была уже готова. В связи с такой небрежностью и беспомощностью составителя, довольно наивно звучит его совет „тщательно штудировать произведения Чехова параллельно с чтением нашей книги“. Случайные выдержки из критики свидетельствуют не о процессах чеховского творчества, а об усвоении писателя обществом, — тема совсем иная и очень сложная.

Конечно, письма Чехова и воспоминания о нем сами по себе интересны в различных отношениях, а так как „весь отобранный материал расположен в порядке хронологической и логической (sic.) последовательности так, чтобы каждый из привлеченных отрывков по мере возможности служил продолжением или дополнением предыдущего“, то книга дает кое-что, хотя гораздо меньше, чем чтение самих сочинений и писем Чехова. Связанный рассказ А. А.

Измайлова („Чехов. Биографический набросок“, М. 1916) стоит гораздо выше книги В. Фейдер, этой кучи вырезок, которой далеко даже до скромной компиляции и которую составитель напрасно величает „мозаикой“, так как никакого рисунка в ней нет и портрета Чехова нельзя увидеть. Это и не биография, и не критический обзор, а смесь разных подробностей об очень интересном человеке. Но Чехов, даже в окургуженном виде, отвечает за себя, а Вал. Фейдер за себя.

Издательство „Academia“ грозит препарировать в том же кондачково-пенкоснимательском стиле целый „ряд

замечательных писателей“. Весьма предосудительное намерение. Серьезная исследовательская работа у нас поставлена очень слабо, обобщение и популяризация давно добытых научных данных едва начинаются, а тут читателя толкают на путь легкомысленного отношения к литературе и науке. Вот и Вал. Фейдер надеется увидеть „нашу работу“ в руках „литературной молодежи, рабочей интеллигенции и педагогов“. Для кого же будут издаваться серьезные книги?

Н. Лернер.